

Старый гений — эпизод 3 из 4

Вообрази предчувствие у меня, что ли, какое-то, и сны я вижу, и все это как-то так тепло убеждает довериться.

Не подождать ли еще?

Подожду, пока возможно.

Но скоро это сделалось невозможно.

Приезжает ко мне старушка в состоянии самой трогательной и острой горести: во-первых, настает рождество; во-вторых, из дому пишут, что дом на сих же днях поступает в продажу; и в-третьих, она встретила своего должника под руку с дамой и погналась за ними, и даже схватила его за рукав, и взывала к содействию публики, крича со слезами: Боже мой, он мне должен! Но это повело только к тому, что ее от должника с его дамою отвлекли, а привлекли к ответственности за нарушение тишины и порядка в людном месте. Ужаснее же этих трех обстоятельств было четвертое, которое заключалось в том, что должник старушки добыл себе заграничный отпуск и не позже как завтра уезжает с роскошною дамою своего сердца за границу где наверно пробудет год или два, а может быть, и совсем не вернется, потому что она очень богатая.

Сомнений, что все это именно так, как говорила старушка, не могло быть ни малейших. Она научилась зорко следить за каждым шагом своего неуловимого должника и знала все его тайности от подкупленных ею слуг. Завтра, стало быть, конец этой долгой и мучительной комедии: завтра он несомненно улизнет, и надолго, а может быть, и навсегда, потому что его компаньонка, всеконечно, не желала афишировать себя за миг иль краткое мгновенье.

Старушка все это во всех подробностях повергла уже обсуждению дельца, имеющего чин из четырнадцати овчин, и тот там же, сидя за ночвами у саечника в Мариинском пассаже, отвечал ей:

Да, дело кратко, но помочь еще можно: сейчас пятьсот рублей на стол, и завтра же ваша душа на простор; а если не имеете ко мне веры ваши пятнадцать тысяч пропали.

Я, друг мой, рассказывает мне старушка, уже решила ему довериться... Что же делать: все равно ведь никто не берется, а он берется и твердо говорит: Я вручу. Не гляди, пожалуйста, на меня так, глаза испытующи. Я нимало не сумасшедшая, а и сама ничего не понимаю, но только имею к нему какое-то таинственное доверие в моем предчувствии, и сны такие снились, что я решила и увела его с собою.

Куда?

Да видишь ли, мы у саечника ведь только в одну пору, всё в обед встречаемся. А тогда уже поздно будет, так я его теперь при себе веду и не отпущу до завтраго. В мои годы, конечно, уже об этом никто ничего дурного подумать не может, а за ним надо смотреть, потому что я должна ему сейчас же все пятьсот рублей отдать, и без всякой расписки.

И вы решаетесь?

Конечно, решаюсь. Что же еще сделать можно? Я ему уже сто рублей задатку дала, и он теперь ждет меня в трактире, чай пьет, а я к тебе с просьбою: у меня еще двести пятьдесят рублей есть, а полтораэта нет. Сделай милость, ссуди меня, я тебе возвращу. Пусть хоть дом продадут все-таки там полтораэта рублей еще останется.

Знал я ее за женщину прекрасной честности, да и горе ее таксе трогательное, думаю: отдаст или не отдаст господь с ней, от полтораэта рублей не разбогатеешь и не обеднеешь, а между тем у нее мучения на душе не останется, что она не все средства испробовала, чтобы вручить бумажку, которая могла спасти ее дело.

Взяла она просимые деньги и поплыла в трактир к своему отчаянному дельцу. А я с любопытством дожидал ее на следующее утро, чтобы узнать: на какое еще новое шукарство изловчатся плутовать в Петербурге?

Только то, о чем я узнал, превзошло мои ожидания: пассажный гений не постыдил ни веры, ни предчувствий доброй старушки.

На третий день праздника она влетает ко мне в дорожном платье и с саквояжем, и первое, что делает, кладет мне на стол занятые у меня полтораэта рублей, а потом показывает банковую, переводную расписку с лишком на пятнадцать тысяч...

Глазам своим не верю! Что это значит?

Ничего больше, как я получила все свои деньги с процентами.

Каким образом? Неужто все это четырнадцативчинный Иван Иваныч устроил?

Да, он.